

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Помещения и мастерские Экспедиции и их техническое оборудование в 1818–1861 годах

I

Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг и поныне находится на том самом месте в Петрограде, где она была выстроена Бетанкурром, только занимает теперь гораздо большую площадь, чем занимала первоначально (рис. 17). Как было указано выше, постройка Экспедиции была начата на купленном в 1815 г. у наследников надворного советника Чоблокова за 182.000 руб. участке земли, который был расположен на левом берегу р. Фонтанки, в Нарвской части, и на котором стоял дом с двумя флигелями. Строения эти были приспособлены главным образом для помещения служащих Экспедиции. В следующие годы, для возведения фабричного здания и других строений, было приобретено еще несколько соседних мест с находившимися на них постройками: у крестьянина Сакова за 32.000 руб., у вдовы купца Пробкиной за 43.160 руб. и за неизвестную сумму у мещан Родионова и Егашевского¹.

К сожалению, в архивных делах Экспедиции не сохранилось точных сведений ни о первоначальной площади её земельного владения, ни о размерах первоначально возведенных зданий, хотя 11 июля 1824 г. инженер-полковник Треттер, во исполнение приказа уже покойного тогда генерала Бетанкура, передал в правление Экспедиции бумаги о покупке для неё места и вообще о её устройении²; известно лишь, что земельный участок, купленный у Пробкиной, содержал в себе 1.176 кв. сажень³. Ввиду этого площадь, занимаемую Экспедицией в самом начале своего существования, можно определить лишь приблизительно, на основании косвенных данных⁴.

Место, на котором была выстроена Бетанкурром Экспедиция, уже вскоре потребовало некоторого расширения. В сентябре 1819 г. кн. Хованский прикупил за 13.000 руб. у купца Поршнякова смежный с Экспедицией участок земли в 914 кв. саж., необходимый ей для склада дров⁵. В следующем году у того же Поршнякова было приобретено еще 840 кв. саж., но неизвестно, за какую цену⁶. Небольшая прикупка земли — всего 144 кв. саж. — была сделана опять в 1821 г. у купца Артемьева за 1.140 руб.⁷

Следующее, и на этот раз значительное, расширение земельной площади и строений Экспедиции последовало в 1834 г. В июле этого года

управляющий бумагоделательным отделением Лазарев-Станицев донес управляющему Экспедицией Хованскому, что Экспедиция, при все увеличивающемся производстве разных государственных бумаг, особенно гербовых, не в состоянии выполнить наряды в требуемые сроки, так как имеет всего только одну паровую бумагоделательную машину, всякий ремонт которой неизбежно задерживает работу. Возникали в правлении Экспедиции предположения или расширить мастерские первого, т. е. бумагоделательного, отделения Экспедиции, или даже построить для них специальное бумагоделательное заведение, но и то и другое было признано неудобноисполнимым, так как вызывало чересчур крупные затраты. Тогда решено было остановиться на предложении Лазарева-Станицева приобрести для Экспедиции бумагоделательную фабрику в Екатерингофе, принадлежавшую барону Ралю и как раз в это время назначенную к продаже с торгов за долг Государственному заемному банку в 150.000 руб.

На этой фабрике, расположенной на берегу судоходной реки Черной (рукав Невы), по мнению управляющего первым отделением, возможно было бы готовить белейную массу, смлотую уже в полуматерию, а также простую печатную бумагу, употребляемую в типографии Экспедиции на печатание журналов и разных книг, бумагу оберточную и вообще всякую бумагу, «не заключающую в себе государственной тайны». Бумаги всех этих сортов требовалось для Экспедиции ежегодно более миллиона листов, и такое количество Экспедиция сама не была в состоянии выработать.

Вследствие этого Хованский вошел с соответствующим представлением к министру финансов, который исходатайствовал на покупку Екатерингофской фабрики высочайшее разрешение. 17 августа того же 1834 г. Хованскому предписано было командировать к участию на торгах доверенное лицо, с тем, однако же, чтобы не идти далее 250.000 руб., а если конкурентов не явится вовсе, то принять фабрику по оценке. Таким лицом Хованский выбрал Лазарева-Станицева.

21 августа Екатерингофская фабрика была приобретена Экспедицией за 151.000 руб. и 18 сентября поступила в её ведение (рис. 18). На этой фабрике было два каменных двухэтажных дома: один представлял собой фабричное помещение, а другой — казармы для рабочих; а сверх того, три флигеля, четырехэтажное сушило (рис. 19), два двухэтажных амбара и кузница; в фабричном заведении находилась паровая машина «силою в 22 лошади» и другие принадлежности, необходимые для производства бумаги. Общая площадь, занимаемая фабрикой, заключала в себе до 3.405 кв. сажень.

Вместе с фабрикой в собственность Экспедиции перешли и принадлежавшие ей крестьяне, в количестве 136 душ мужского пола и 109 женского. Этим крестьян Хованский сначала не хотел покупать, так как в их числе не было «особенно искусных мастеровых», и к тому же «большая часть их отличалась «дурным поведением», что стало известно по бытности некоторых из них в Экспедиции с вольного найма. Однако граф Канкрин предписал приобрести вместе с фабрикой и крестьян, по цене, какая была узаконена за душу.

В момент продажи фабрики, давно уже находившейся в бездействии, большинство крестьян было отпущено на заработки, под условием уплаты своему прежнему владельцу оброка. Теперь все они были вызваны к 1 ноября в Экспедицию и от неё уже получили билеты для свободного проживания на заработках; мало-помалу большинство их было распределено по разным казенным учреждениям, и в Экспедиции остались только немногие.

С приобретением Екатерингофской фабрики на Экспедицию перешла обязанность расплачиваться с Государственным заемным банком по долгу, лежавшему на бароне Рале, а также погасить казенные недоимки в сумме 7.807 руб. 47 коп. Первый взнос в Банк был сделан в 1835 г. в размере 9.060 руб., а остальная сумма была рассрочена на 37 лет. Кроме уплаты этих сумм, Экспедиция еще израсходовала на ремонт фабрики 28.000 руб., заимообразно взятых ею также из Заемного банка 10 ноября 1834 г. Нужные исправления были сделаны довольно быстро, и уже 6 марта 1835 г. на фабрике началось производство бумаги⁸. Фабрика эта оставалась в ведении Экспедиции вплоть до 1864 г., когда она была продана⁹.

Рост производства Экспедиции, особенно сильно сказавшийся, как будет показано ниже, к 50-м годам XIX столетия, снова выдвинул потребность в дальнейшем увеличении земельной площади Экспедиции и приобретении для неё новых строений. Особо учрежденный в 1850 г. комитет по проекту о расширении мастерских признал нужным возвести на дровяном дворе Экспедиции новые фабричные здания «в обширнейшем против настоящего размере». Для склада же дров, помещения лазарета и живших тогда в здании Экспедиции, а также в соседнем наемном доме и на Екатерингофской фабрике чиновников, мастеров и рабочих, а также для устройства разных хозяйственных сооружений, решено было купить «удовлетворительный во всех отношениях» дом Павловского института с принадлежащим ему местом за оценочную сумму в 75.021 руб. сер.

Мнение комитета было принято министром финансов графом Ф. П. Вронченко, который и исходатайствовал 11 августа того же 1850 г.

разрешение на покупку дома и земли Павловского института. Для этого из Заемного банка было отпущено правлению Экспедиции 80.000 руб., рассроченных на 37 лет, с уплатой процентов и погашения из остаточных сумм Экспедиции. Покупка эта была совершена в 1851 г.¹⁰

В распоряжение Экспедиции теперь сразу поступила значительная земельная площадь, имевшая по набережной р. Фонтанки 40 погонных саж. и 2¼ арш., по Дровяному переулку — 81 саж., по Нарвскому проспекту — 57 саж. и 2 арш. и по стороне, пограничной с землей купчихи Гутковой, — 87 саж. и 1 арш. На этой площади находился целый ряд зданий. Главный корпус института, выходивший фасадом на набережную р. Фонтанки, представлял собой в то время каменное трехэтажное здание с парапетом и брандмауэром и двумя протянутыми во двор флигелями, имевшими по три, по два и по одному этажу. И главное здание, и оба флигеля были покрыты железной крышей, на которой были 41 дымовая труба и 26 слуховых окон. Другой дом, с каменным нижним этажом и деревянным верхним, выходил фасадом на Дровяной переулок, отделявший его от прежнего местоположения Экспедиции. При этих домах было три двора и сад. Во дворах находилось несколько сараев и ледник¹¹.

Приобретя эти здания в половине 1851 г., Экспедиция, однако, получила возможность располагать ими по своему усмотрению лишь в августе 1853 года. В промежутке же между этими двумя годами, с разрешения управляющего Экспедицией Л. К. Нарышкина, в главном корпусе бывшего Павловского института находился состоявший под покровительством великой княгини Елены Павловны Повивальный институт, новое помещение для которого еще не было в то время закончено¹².

Тем не менее, и после покупки зданий Павловского института Экспедиции приходилось пользоваться для помещений своих служащих и рабочих наемными домами. Так, 27 января 1856 г. она заключила контракт с купцом Ритнингом о найме его дома на Фонтанке с 21 квартирой за 4.800 руб., для перевода в него чиновников и других служащих, так как занимаемые последними жилые помещения Экспедиции понадобились для расширения мастерских¹³.

В 1858 г. управляющим Экспедицией С. А. Ремезовым был поднят вопрос о приобретении участка земли и дома, занятого детским приютом Лейб-гвардии Измайловского полка. Место это было, как видно из помещаемого ниже плана, с трех сторон окружено дворами Экспедиции, от которых отделялось низким забором, вследствие чего требовало особо бдительного полицейского надзора. Самое же здание приюта понадобилось Экспедиции для устройства в нем лазарета. Переговоры с командиром полка, ген.-майором С. Е. Кушелевым, выяснили, что полк

охотно продаст это место за 24.000 руб., — за сумму, необходимую ему для покупки другого, уже найденного, более подходящего помещения для приюта. Новый управляющий Экспедицией, А. И. Кованько 1-й, вполне разделял мнение на счет этой покупки своего предшественника и поэтому в следующем 1859 г. исходатайствовал на нее разрешение. По высочайшему повелению от 20 февраля 1859 г. Экспедиция получила из Заемного банка 24.000 руб., выданных на обычных для неё условиях 37-летней рассрочки, и на них совершила купчую крепость. Новый участок земли заключал в себе 510 кв. саж. На нем находился каменный двухэтажный дом с железной крышей, состоявший из 8 комнат, и при доме службы: деревянный флигель, сарай и ледник¹⁴ (рис. 20).

Последующие земельные приобретения были сделаны Экспедицией уже во время её коренного преобразования в 60-х годах XIX века. В 1861 г. по ходатайству вышеупомянутого комитета по проекту о расширении мастерских министр финансов А. М. Княжевич испросил высочайшее разрешение от 18 ноября того же года на покупку от жены действ. ст. сов. Сивковой пустопорожного места в 3.773 кв. саж. за 50.000 руб., с отнесением этой суммы на счет банковых прибылей и с принятием расходов по совершению купчей крепости на счет казны. Место это, расположенное по соседству с Экспедицией, между набережной р. Фонтанки, Апраксиным переулком, Новоизмайловским проспектом и домом жены полковника Рыжковской, было необходимо «для устройства бассейнов по случаю проведения воды во вновь строящиеся здания Экспедиции и для склада потребных для Экспедиции на годовую пропорцию дров»¹⁵. Для устройства самого водоподъемного здания было куплено затем на мысу Подзорского или Лоцманского острова место за 2.500 руб., принадлежавшее Обществу лоцманов и проданное с разрешения директора Кораблестроительного департамента великого князя Константина Николаевича¹⁶.

Наконец, в том же 1861 г. было решено, вместо перестройки лазаретного флигеля, приобрести место почетного гражданина Гуткова с трехэтажным надворным зданием, нанимаемым уже Экспедицией за 2.000 руб. в год, для помещения нижних служителей (рис. 21). Место это находилось между вновь возведенным фабричным зданием и участком, приобретенным Экспедицией от Сивковой. Строительный комитет полагал, что покупка для Экспедиции места и дома Гуткова представит большие удобства. Прежде всего, помещение в доме Гуткова значительно больше того, которое возможно было бы устроить в лазаретном флигеле; затем, с приобретением места Гуткова возможно будет сделать окна в стене вновь возведенного фабричного здания Экспедиции, об-

ращенного во двор Гуткова, благодаря чему окна граверной мастерской будут обращены на запад, что «необходимо при граверных работах»; наконец, уничтожение чресполосности значительно сократит расходы на перевозку дров, угля и прочих материалов с бывшего участка Сивковой в фабричное здание Экспедиции и в квартиры служащих, не говоря уже о том, что упростится и присмотр как за фильтрами, так и за складочными материалами, помещавшимися на означенном месте. Предложение строительного комитета было принято, и 1 июня 1861 г. последовало высочайшее соизволение на покупку Экспедицией места и строения, принадлежащих Гуткову, за 43.000 руб., с обращением на покрытие этого расхода ассигнованной для перестройки лазаретного флигеля суммы в 35.000 руб. и тех сбережений, какие, по объяснению строительного комитета, должны последовать по устройству зданий Экспедиции¹⁷.

II

Вместе с приобретением новых земельных участков и новых строений многократно перестраивались и расширялись также самые здания Экспедиции. Мы видели, что Армстронг, познакомившись с техническим состоянием выстроенной Бетанкуром фабрики, не только дал благоприятный отзыв о машинах, но высказал мнение, что и вообще вся постройка расположена весьма удобно¹⁸. Вскоре, однако, оказалось, что это мнение было не совсем правильно.

Уже 2 июля 1818 г., т. е. еще до официального открытия Экспедиции, Хованский представлял министру финансов Гурьеву, что устроенная в фабричном здании Экспедиции бумажная белильня во многих отношениях неудовлетворительна. Он указывал, что она тесна для того количества людей, какое должно в ней работать, что комнаты низки и потому вредны для здоровья занимающихся там, наконец, что расположена она неудобно как для производства работ, так и для наблюдения за ними. По поручению Хованского, как было сказано выше, архитекторы Вильсон и Руско составили проект перестройки этой белильни, исчислив потребную на это сумму в 185.000 руб.¹⁹; на время перестройки Хованский предполагал производить неотложные работы по белиению бумаги в каком-нибудь другом месте и через статс-секретаря Вилламова успел испросить разрешение Марии Федоровны, чтобы в распоряжение Экспедиции предоставлено было на два или на три года одно из зданий на Петровском острове, принадлежавшее Ведомству учреждений императрицы Марии. Но к этой мере прибегать не пришлось. До начала работ обратились с просьбой принять участие в разрешении вопроса о беле-

нии бумаги к Вистингаузену, и последний предложил какой-то новый способ беления, который оказался лучше прежнего, а все приспособления для него удалось сделать в зданиях Экспедиции, не останавливая её работ, причем все это стоило не 185.000 руб., а всего 85.000 рублей²⁰.

5 июля 1820 г. министр финансов разрешил произвести в зданиях Экспедиции предложенные Хованским ремонт и некоторые перестройки, благодаря которым получилась возможность поместить на казенных квартирах несколько служащих, живших до того времени в арендованном за 4.500 руб. в год частном доме. Работы эти обошлись около 23.000 руб.²¹

В течение 1818–1820 годов всего было произведено в Экспедиции разных строительных работ — «для удобнейшего расположения мастерских, для успешнейшего производства работ и для лучшего надзора за оными, для сохранения здоровья рабочих людей», так как «прежняя белильня, черпальная и клейная, сверх неудобности для работ, по тесноте и чрезвычайно спертому от того воздуху, делали большой вред здоровью мастеровых, получавших неизлечимые болезни», наконец, для помещения чиновников — на 231.064 руб.²²

Знаменитое наводнение 1824 г. повредило в некоторых частях и здания Экспедиции; на ремонт этих повреждений потребовалось до 12.000 руб.²³

В 1831 г. Хованский испрашивал нового отпуска 35.000 руб., представляя, что необходимо издержать: 12.000 руб. на переустройство белильной мастерской, 3.000 — на переустройство мастерской краскотерной, 8.000 — на устройство в сушильне для бумаги восьми новых печей, 4.000 — на ремонт в доме с квартирами и 10.000 — на переделки некоторых старых машин и на устройство новых. Министр финансов счел возможным, однако, отпустить только 15.000 руб., на которые и были переделаны белильная мастерская, печи в сушилах, прессы, краскотерная машина, а также произведены некоторые другие меньшие переделки²⁴.

Новые, на этот раз весьма значительные, расширения зданий Экспедиции последовали в 1839 г., незадолго перед тем, как было приступлено к реформе денежного обращения, потребовавшей от Экспедиции особенно усиленной деятельности. 25 февраля этого года Хованский вошел к министру финансов Канкрину с представлением, в котором говорил, что «по случаю значительного увеличения год от году нарядов государственных бумаг, давно уже чувствуются неудобства и теснота прежнего расположения мастерских Экспедиции и всего строения оной»; а так как действия Экспедиции и в самое последнее время непрестанно расширялись, то, естественно, «ныне, по случаю возложения

на оную приготовить бандероли для продажи табаку, наступила решительно крайняя необходимость распространить мастерские и увеличить жилое строение».

Министр финансов вполне согласился с этим, и 17 марта 1839 г. последовало согласие Николая I на представленный ему доклад о переделках в зданиях Экспедиции. Для этого и было ассигновано 100.000 руб. из процентов, накопившихся на капитал, который составил из средств, определенных по штату Ассигнационного банка на чрезвычайные расходы. Работы были окончены к 1 декабря того же года.

Над флигелем, где помещались рабочие, был надстроен четвертый этаж, длиной в 45½ саж., шириной в 6½ саж. и вышиной в 2 саж., всего почти 600 куб. саж., надстройка эта была сделана крестьянином Королевым за 61.000 руб., хотя по смете было назначено на нее до 80.000 руб. Затем устроена была особая типография и нумерационная для печатания депозитных билетов, которые только что решено было, по проекту Канкринина, ввести для замены прежних ассигнаций. Постройка этих мастерских обошлась в 17.680 руб. Далее, переделаны были лестницы на сушило, устроены новые чуланы для хранения материалов, произведены переделки в черпальной и других фабричных помещениях. На все эти работы пошла остальная часть из ассигнованных 100.000 руб.²⁵

С течением времени возникала в Экспедиции потребность и в возведении совершенно новых зданий. Так, для хранения разных материалов были устроены в 1844 г. во дворе Экспедиции, с левой его стороны, деревянные кладовые, длиной в 30 саж. и шириной в 4 саж., на каменных столбах, вытянувшиеся по линии от набережной р. Фонтанки до лазарета. В 1849 г. было найдено, что этим кладовым угрожает большая опасность в пожарном отношении, так как рядом с ними, на соседнем участке земли, принадлежавшем купцу Софронову, были построены деревянные дом и сарай. Военный генерал-губернатор граф Клейнмихель предписал жилое помещение купца Софронова переделать согласно правилам «строительного устава», а кладовые Экспедиции, не имевшие с этим зданием требуемого законом «разрыва» и, кроме того, непосредственно примыкавшие к деревянному строению, занятому лазаретом Экспедиции, перенести на другое место. Вследствие этого в правлении Экспедиции была составлена смета, согласно которой на разборку кладовых и перенос их на новое место, где тогда находился сад дома, принадлежавшего ранее Павловскому институту, требовалось 1.840 руб. Сумму эту, с разрешения царя, последовавшего 14 ноября 1851 г., Экспедиция должна была получить из прибылей Заемного банка. Однако предположенный перенос мастерских не состоялся, так как в это время решено было приступить к полной пере-

стройке зданий Экспедиции, для чего был учрежден уже упоминавшийся выше особый комитет²⁶. С деятельностью этого комитета мы познакомимся в одной из следующих глав; здесь же ограничимся указанием, что фабричное здание и другие помещения Экспедиции, отмеченные на помещаемом ниже плане (рис. 22), в период времени с 1818 по 1852 гг., т. е. с момента устройства Экспедиции и до начала её полной перестройки, имели следующие размеры:

ГОДА:	Площадь в квадратных саженях	
	мастерских	правления, казарм и жилых покоев
с 1818 по 1827 гг.	1.587	2.200
с 1828 по 1837 гг.	1.760	2.600
с 1838 по 1847 гг.	2.500	3.280
с 1848 по 1852 гг.	2.600	4.150

III

Мастерские, находившиеся в фабричном здании Экспедиции или занимавшие особые помещения, с самого начала были распределены по двум отделениям, бумагоделательному и типографскому, и в таком виде существовали вплоть до 1861 г. В первом, или бумагоделательном отделении выполнялись двоякого рода работы: в нем приготавливалась и белилась ассигнационная бумага. О способах производства этих работ можно составить представление из описания, представленного в 1818 г. управляющим бумагоделательным отделением Лазаревым-Станицевым правлению Экспедиции. Изготовление бумаги начиналось с трепания пеньки. Из 4 пудов 30 фунтов её выходило 3 пуда 20 фунтов, или так называемая партия, а остальные 1 пуд 10 фунтов превращались в паклю, костригу и пыль. Обычно 12 трепальщиков приготавливали в день две партии пеньки. Эти партии затем клались для мочки в воду на три дня, после чего пенька прессовалась, снова трепалась и затем 12 часов варилась в щелоке, составленном из 15 фунтов поташа и 15 фунтов белой извести. Варка эта происходила дважды, после чего пенька выжималась в прессах и помещалась в чаны для беления спиртом, составленным из 8 фунтов купоросной кислоты, 4 фунтов браунштейна и 8 фунтов соли. Через 12 часов пенька выполаскивалась в ролях, выжималась в прессах и третий раз вываривалась в щелоке. Операция эта производилась трижды, и затем пенька, еще раз выполосканная в ролях и выжатая в

прессах, опускалась на 4 часа в мыльный щелок. Для производства беле-ния в течение 6 дней употреблялось: чистого желтого воска — 2½ фунта, канифоли — 3 фунта, сурика — 1 фунт и пробок: больших и малых — по 16 штук, а средних — 48. Первоначально при мочке и щелочных варках, несмотря на все старание мастеровых, выбеливалось пеньки не более 5 пудов в день, так как свинцовые или стеклянные трубки, посредством которых газ гнался из колбы в кубы, часто лопались, «по едкости хими-ческих вещей, от непредвидимых причин».

Окончательно выбеленные партии пеньки, весившие теперь, вместо прежних 3½ пудов, только по 2½, клались затем в рольные ящики, по 1½ пуда в каждый, где перемальвались в течение 8 часов в материю. Из так называемого одного ролла смолотой материи выходило 20.000 ассиг-национных листов. Изготавливались они следующим образом: получен-ная в рольных ящиках материя разливалась мастеровыми, под надзором мастеров, в чаны, откуда черпальщики вынимали ее формами, сразу два листа, и передавали эти формы валяльщикам, которые с форм свалива-ли листы на сукно и покрывали их другим сукном. Сукна эти каждое утро перемывались в горячей воде с мылом, переполаскивались затем в холодной воде, выжимались прессом и, наконец, разделялись счетом, на каждый чан по 251 куску. Проложенные сукнами листы в количестве 500 штук составляли так называемую «кладку», которая покрывалась по-следним куском сукна и прессовалась. Эту кладку вынимали из пресса выметчики, отделявшие сырые листы от сукон и отдававшие ревизору или смотрителю листы, испорченные или забракованные при выметке.

Приготовленная в черпальной и неиспорченная бумага переносилась затем в сушила и здесь развешивалась крыцами на веревки и сушилась не менее трех дней. По обсушке ее снимали с веревок, расправляли и перено-сили в клейную, где происходила вручную её проклейка животным клеем, после чего ее еще раз выжимали в ручных винтовых прессах и накрыва-ли особым большим сукном, «дабы она отпотела». Вторично развешан-ную, на этот раз в холодном сушиле, бумагу после обсушки снимали с веревок, расправляли и разделяли на небольшие кипы, помещавшиеся на ночь между медными досками в прессы. На другой день бумага чистилась ножами и, по отделении годной от брака, сортировалась и складывалась по тысяче листов. Каждая тысяча листов затем крепко запрессовывалась между теми же медными досками. Операции эти — чистка ассигнацион-ной бумаги, сортировка её, счет листов и помещение их в пресс — обык-новенно производились в присутствии ревизора и смотрителя. Выпрес-сованные листы переходили затем из бумагоделательного отделения в типографское, где происходило их печатание и нумерование²⁷.

Такого рода способы и приемы изготовления бумаги для ассигнационных листов практиковались, с небольшими изменениями, в продолжение всего первого периода существования Экспедиции. Простоте этих способов производства вполне соответствовало и первоначальное, очень простое, техническое оборудование мастерских. Как видно из «Описи машинам и вещам, состоящим в I-м отделении», составленной членом правления по части хозяйственной и полицейской, титулярным советником Павловым, в 1818 г. на бумагоделательной фабрике Экспедиции, в особом помещении, находилось семь самых значительных механизмов и аппаратов: 1) паровая 40-сильная машина, 2) два больших медных котла с чугунными крышками для проведения пара в эту машину и в чаны, помещавшиеся в черпальной, 3) две «тепловоздушные» трубы в полу, нагреваемые «огнем, проходящим под ними из печей больших котлов», и имеющие 6 «дверец для прохода тепла» и 10 «отверстий с заслонками для входа в трубы воздуха», 4) водяной насос с 9-дюймовым диаметром, снабжавший фабрику водой, поднимавшейся по двойной чугунной трубе из колодца, 5) чугунный ящик или пресс с 2-мя гидравлическими насосами и «эксантрическим механизмом», приводящими в действие 12 гидравлических прессов в черпальной, 6) большой барабан с вертикальным приводом от паровой машины, 6-ю чугунными тройными шкивами с вилками и ремнями и 4-мя деревянными беговыми шкивами на железных осях и, наконец, 7) большой деревянный «водохранительный ящик», выложенный медью, с медными трубами и небольшой помпой для наполнения котлов водой.

В рольной мастерской имелось шесть дубовых валов на железных осях, под каждой из которых находилось по три медных подшипника; у этих валов было шесть деревянных ящичков, скрепленных болтами и обложенных медью, а под ящичками — по два горизонтальных чугунных рычага, прикрепленных к оси с чугунным шкивом на конце; надетый на этот шкив ремень приводил в движение роллы; рольные ящички имели каждый по медной трубке с кранами для принятия воды, предварительно процеженной в особых деревянных ящичках, и по деревянной трубе, через которую готовая бумажная масса протекала в запасные чаны; из рольной мастерской шли шесть сточных труб для выпуска воды в Фонтанку.

В клейной мастерской находилось два медных котла для клея, нагревавшихся особыми печами, и винтовой чугунный пресс для выжимания бумаги, а также несколько чанов и шаек и всего одна медная ложка для снятия пены. Еще проще были технические приспособления в красильной и сукномойне: в первой находился медный котел с кранами-сетками для краски и медным краном с трубками для доставления воды,

а во второй — медный котел, где нагревалась вода, и семь деревянных чанов для мытья сукон.

Зато черпальная мастерская была довольно значительна. Здесь, не считая чанов, шаек, скамеек и столиков для складывания прессованной бумаги, находилось по двенадцати гидравлических прессов и столько же чугунных ящиков с насосами, водохранилищами и предохранительными клапанами, и по столько же медных решеток под прессами, с деревянными сточными трубами, и полукруглых досок, приделанных к прессам; кроме того, в черпальной был каменный колодезь с чугунной крышкой, в который через деревянные трубы притекала вода из Фонтанки и из которого по чугунной трубе она подымалась к насосу.

Обширное помещение, но очень просто оборудованное, занимали также сушила. Для теплых сушил были отведены три комнаты в фабричном здании Экспедиции: в первой комнате находилось 130 брусков и 2.080 рядов волосяных веревок, на которых развешивались листы, во второй — 86 брусков и 1.045 рядов веревок и в третьей — 70 брусков и 860 рядов веревок. Холодное сушило помещалось в особом четырехэтажном здании (см. рисунок), и в нем было 1.144 бруска, 12.012 рядов волосяных веревок протянутых и 4.000 сажен веревок в запасе, а также 18 нитяных сеток для разделения отлитой и оклеенной в каждый отдельный день бумаги.

Во всех рассмотренных нами мастерских, где выделялась бумага, находилось, в общем, при открытии Экспедиции 53 категории разных механизмов, аппаратов и инструментов. Кроме этих мастерских, к 1-му отделению принадлежали еще мастерские, где происходило белиение бумаги; для этой работы употреблялось 44 вида отдельных приспособлений. Самыми значительными из них были: 1) восемь печей для добывания кислоты, с решетками, двойными чугунными дверцами, обложенными рамами, с навесом из листового железа, 2) тринадцать железных котлов, вмазанных в печи, 3) двадцать шесть колб для доставления кислоты, 4) пятнадцать склянок с трубками для прохода этой кислоты, 5) двадцать четыре чана, наполнявшихся кислотой, 6) одиннадцать ванн для белиения материи, 7) семь медных кранов с трубками, через которые доставлялась вода от паровой машины в белильную, 8) ареометр, 9) трое поддувальных мехов, 10) гидравлический пресс с двух помпах и медный к нему ящик, 11) три печи чугунных с трубками из листового железа, много стеклянных труб и стволиков, кружек, шаек, ковшей, лоханок, водоносок, весы и проч.²⁸

Второе отделение Экспедиции, или, как тогда говорили, «типografическое», занималось только печатанием и нумерованием ассигнаци-

онной и разного рода гербовой бумаги, для чего в нем находились: граверная, прессовальная, сушильня, типография, кухня для мытья форм, красильня, нумерационная и литография; оно ведало также всякого рода механическими и ремонтными работами, выполнявшимися в мастерских: механической, кузнице и, наконец, столярной. О техническом оборудовании этого отделения дает понятие составленная в нем, также в 1818 г., особая «Опись казенному движимому имуществу».

Во втором отделении наиболее обширными мастерскими по части печатания были: граверная, типография, нумерационная и литография. В граверной находилось шесть граверных станков, одно точило, два микроскопа, два сверла, сто сорок один разный напильник, семьдесят пунсонов, пятьсот девяносто четыре грабштихеля, четырнадцать литер, изготовленных на монетном дворе, семь граверных подушек с песком, поддувальный мех, шесть ручных тисков, шесть циркулей, двенадцать черешков для грабштихелей и проч.

В типографии было сорок восемь печатных станков «со всем прибором» — один английский, шесть сделанных «по одной модели», десять немецких и тридцать один с Ижевского завода — и сорок три шкапа для складки отпечатанной бумаги. Нумерационная имела шестнадцать нумерационных машин с вальцами, пять плит с ящиками для краски и столько же больших столов к нумерационным машинам. К нумерационной примыкали две комнаты, где стояли три английских машины для печатания решетки на оборотной стороне ассигнационных листов. Наконец, в литографии находились пантограф, три больших прессы: один с двойным рычагом, другой с тройным и третий винтовой, четыре плиты для краски со столиками, пять больших литографских камней, восемь полулистовых и десять малых четверных, несколько котлов, кастрюль, блюд и проч.

Прессовальная, сушильня, красильня и кухня для мытья форм были невелики. Так, в прессовальной находилось два гидравлических прессы, соединенных с печками, и шестьдесят больших медных досок «для равного прессования ассигнационной бумаги»; в сушильне — четыре шкапа с переплетными веревочными ящиками для раскладки бумаги, стол, скамейка и лестница; в красильне — один небольшой пресс с коромыслом, весы с гирями и весы с разбивным фунтовиком, пять плит, восемь курантов, по четыре больших и столько же малых жестянок для красок, железный барабан для пережигания сажи, тридцать вальцов, одиннадцать каменных чаш и т. д.; наконец, в кухне для мытья форм — четыре больших стола для мытья, несколько котлов, блюд, ковшей, буктовый верстак, компас или «вадебас», вес со шнурком, гермас из красного дерева и разные столярные инструменты.

Таково было техническое оборудование мастерских второго отделения по части печатания. К этому отделению принадлежали также четыре мастерских по части механической. Самыми обширными из них были две механические, в собственном смысле слова, мастерские, имевшие немало всякого рода машин и аппаратов. В «механической при граверных комнатах» находились: стальная машина для изготовления «колесовых зубьев», токарный станок красного дерева с прибором и соответствующими инструментами, хранившимися в двух висевших около него на стене ящиках, небольшой чугунный пресс для стереотипов, одни большие и одни малые тиски и восемь тисков ручных и при них мастерской верстак с двенадцатью выдвижными ящиками, пять ручных пил со стальными на оных станках для распилок металлических частей, и проч. В другой «отдельной механической» было: четыре машины — большая вальцовая для меди со станком, бор-банк и две английские машины «со всеми до оных принадлежностями», шесть токарных станков с приборами — два чугунных и четыре деревянных разных видов, два мастерских верстака, три верстака слесарных и при них двенадцать больших тисков, один станок с винтом для железных сверл, два точила и «поддувальный мех». Кроме того, здесь было множество всевозможных инструментов, напр.: плоские и круглые щипцы, циркули, молотки, клещи с ножницами, наковальни, ручной токарный станок, расверловки, железные наугольники, пилы, струги, коловорот с десятью буравчиками, напилки разных калибров и форм, большие полукруглые и большие плоские терпуги, большое сверло с прибором, пилы и ножницы для нарезывания металлов, стамбульский камень, плоскогубцы и острогубцы, отвертки, колесо маховое для делания решеток, купуара и т. д.

В кузнице находилось две больших однорогих наковальни и два больших поддувальных меха, затем большие тиски при верстаке, четыре ковалных молотка, несколько клещей, зубил, пробойников, ножницы и проч. Наконец, столярная имела пять верстаков, пятьдесят разных стругов, один карнизовый струг, два коловорота, три клеянки, циркуль, пять размеров для чертежей, тридцать шесть крепительных винтов, тридцать шесть разных буравчиков, десять ручных пил и две садовых, малое точило, восемьдесят пять разных долот и проч.²⁹

Как видно из сделанного описания мастерских Экспедиции, в ней с самого начала её учреждения преобладал ручной способ производства. Конечно, размеры мастерских, самое число их, а также и их техническое оборудование с течением времени изменялись, но только после преобразования Экспедиции в 1861 г. способ ручного производства постепенно был вытеснен способом машинным. До этого же момента

машины, заменявшие ручной труд, вводились в Экспедиции редко, как это видно из описания мастерских первого отделения, сделанного в 1860 г. Ф. Ф. Винбергом, которому было поручено в этом году министром финансов Ф. А. Княжевичем управление обоими отделениями Экспедиции, «для установления полного единства в заведывании всей технической частью». Судя по этому описанию, в бумагоделательном отделении теперь появились некоторые новые механизмы и аппараты, например: в черпальной мастерской и сушиле — аппараты для очищения воды, в клейной — ареометр для распознавания крепости клея, в прессовальной — голандер для пропуска бумаги, станки, в которых обрезывается бумага, станки для распознавания крепости кредитных билетов; кое-что в смысле технических усовершенствований было сделано к этому времени также на Екатерингофской фабрике; так, в плющильной и щипальной мастерской были поставлены: машина для расщипки полуматерии, с принадлежностями вроде деревянного барабана с железными зубцами или остроконечными ножами и четырьмя деревянными валиками с медными шпильками, плющильные два пресса с чугунными валами, коромыслами с подставками, грузами с валами, шестерней, двойным деревянным стаканом с одиннадцатью валами и двадцатью четырьмя малыми подшипниками для прессования полуматерии; в пенькочесальной — четыре пенькочесальных машины со шкивами и ремнями, пенькотрепальная машинка, машинки для смягчения пеньки с двумя чугунными валиками, шкивами и прочими принадлежностями, и некоторые другие³⁰.

IV

Подробно и полностью выяснить, однако, что было сделано для технического улучшения Экспедиции со времени её учреждения и до 1861 г., едва ли возможно, по недостатку сохранившихся для этого данных. Но то, что нам в этом отношении известно, весьма характерно.

Мы уже упоминали, что при приеме зданий Экспедиции от генерал-лейтенанта Бетанкура два механика с завода Амстронга осматривали машины в обоих отделениях и, в общем, нашли их весьма удовлетворительными³¹. После шестилетней работы эти машины пришли, однако, в такое состояние, что даже явилось опасение, что они «грозят разрушением». 5 февраля 1824 г. их осмотрел, по просьбе Хованского, тот же Кларк, который осматривал их в 1818 г., и на этот раз отзыв его о состоянии машин был самый неудовлетворительный: Кларк нашел, что паровая машина нуждается в совершенной переделке; он указывал, между

прочим, что машина эта при работе «имеет необыкновенное трясение», опасное и для неё, и для самого здания, в котором она помещалась; относительно прессов Кларк заявил, что они никуда не годятся, так что их приходится всегда «дожимать» руками. Кларк считал, что исправление всех этих недостатков будет равняться почти полной переделке машины и обойдется в 89.000 руб.; он предлагал, вместе с тем, послать уполномоченного от Экспедиции осмотреть на монетном дворе устроенный им там механизм, чтобы составить достаточное понятие, каким образом должна быть устроена машина в Экспедиции.

Получив такое заявление Кларка, Хованский сообщил его Берду, на заводе которого была, по заказу Бетанкура, изготовлена машина, и просил дать отзыв на доклад Кларка. Берд ответил, что крайне удивлен таким изменением взгляда Кларка, который прежде сам находил машину превосходной, и, со своей стороны, утверждал, что «трясение» в машине обыкновенное, что манометры показывают исправность цилиндров, и что вообще машина действует вполне удовлетворительно; однако и он должен был признать, что машина все же требует некоторых частичных исправлений, стоимость которых определял — после совместного с Кларком осмотра машины — всего в 19.000 руб.; Кларк же, соглашаясь, что переделками можно ограничиться меньшими, чем он указывал ранее, полагал все-таки, что работы будут стоить не менее 32.400 рублей. Во время этих осмотров и совещаний Берд указал, что при машине необходимо иметь постоянного опытного механика, который наблюдал бы за ней, и что без этого машина легко может портиться. Характерное замечание! До этого времени, значит, никакого специально за машиной наблюдавшего лица не было, — и, действительно, только после этих переговоров и объяснений появляется в Экспедиции механик³². При таких взглядах на машины, конечно, нельзя ожидать, чтобы в предшествовавшее время и даже в ближайшие следующие года собирались относительно технического оборудования Экспедиции такие сведения, какие интересно знать нам теперь.

После осмотра машины Бердом и Кларком Берду предложено было взять на себя исправление машины за определенную им цену, т. е. за 19.000 руб., но Берд отказался, сославшись на то, что его завод и так завален работой и не может принять нового, к тому же срочного, заказа. Тогда заказ сдан был Петроградскому литейному заводу; управляющий им обер-берг-гауптман 6 класса А. Я. Фурман назначил за работу 21.840 руб. и обещал, что приложены будут все усилия, чтобы выполнить ее дешевле, по возможности по цене, указанной Бердом; но при этом постановка машины на место должна была быть оплачена особо.

Кларк, со своей стороны, брался обучить на заводе того, кто будет командирован от Экспедиции для ухода за машиной.

Заказ, с согласия министра финансов, был сдан литейному заводу 31 июля 1824 г., который и выполнил его к февралю 1825 г.; установка машины закончена была в течение трех следующих месяцев, и 2 июня 1825 г. Хованский доносил министру, что машина эта действует наилучшим образом. Но стоимость переделки и установки машины далеко превысила первоначальные расчеты, достигнув 80.597 рублей. Экспедиция затруднялась уплатить такую значительную сумму, более чем втрое превысившую определенную ранее цену, завод же и Горное ведомство, которому он принадлежал, доказывали, что исполнение заказа обошлось еще дороже, а именно до 85.400 руб., ссылаясь, главным образом, на то, что спешность, с какой исполнялся заказ, повысила его стоимость, а затем указывая, что наводнение 1824 г. погубило многое уже сделанное и заставило делать многое вновь; завод настаивал, что эти издержки тоже должны пасть на Экспедицию. Только 18 июня 1827 г. были уплачены Экспедицией 50.597 руб., та сумма, на какую работа превзошла сумму, первоначально условленную, после того, как все дело было рассмотрено представителями Экспедиции, представителями завода и «посредниками», берг-гауптманом 5 класса Шленевым и обер-берг-гауптманом Фурманом³³.

Характерна также история, разыгравшаяся с печатными прессами, которые должен был поставить Плюшар. Плюшар поставил их 52 штуки; эти усовершенствованные Плюшаром прессы давали возможность печатать в течение 10 часов до 8.000 листов. При опыте печатания в первый день мастер Гинц, работавший от Плюшара, напечатал даже 8.750 листов, но тут у Гинца произошла какая-то ссора с Рейхелем, который заведовал типографским отделением Экспедиции. Рейхель, не желая почему-то, по словам Плюшара, введения этих прессов, привязался к Гинцу и в ссоре нанес ему два сильных удара молотком по голове. Прессы были все-таки приняты, а дело Рейхеля с Гинцем дошло до суда. В августе 1819 г. Рейхель был вызван в палату уголовного суда и приговорен к уплате Гинцу некоторой суммы и к трехмесячному аресту при месте служения; 16 апреля 1820 г. министр финансов, по просьбе Хованского, исходатайствовал Рейхелю, ввиду его усердной и особо полезной службы, избавление от штрафа и ареста и невнесение в формуляр упоминания о наказании, к которому он был приговорен. Но претензии Плюшара к Экспедиции этим далеко не кончились: в 1823 г. Плюшар подал жалобу министру финансов, говоря, что Рейхель не только ничего не уплатил Гинцу, но даже и ему, Плюшару, не возместил затрат,

произведенных на лечение Гинца. В 1828 г. получена была министром жалоба такого же содержания уже от вдовы Плюшара из Парижа; она угрожала, что если не получит возмещения убытков, то будет утруждать самого государя. По-видимому, г-жа Плюшар скоро скончалась — больше упоминаний об этом эпизоде в архиве Экспедиции нет³⁴.

Столь же случайны, неполны, отрывочны и другие сохранившиеся в архиве Экспедиции сведения о техническом оборудовании Экспедиции в течение вообще всего первого периода её существования. Вот все относящееся сюда данные, какие нам удалось собрать.

Находя, что бумага, на которой печатаются ассигнации, «не имела должной белизны, нечиста и ломка», Хованский принял в мае 1823 г. предложение некоего великобританского подданного Томаса Поттса, который обязался за 14.440 руб. устроить две машины для мытья и варенья пеньки и тряпок и две машины для белиения массы; каждая машина должна была вмещать по пяти пудов пеньки или тряпья. Поттс обязывался окончить всю работу к 21 июля и научить указанных ему мастеров так, чтобы они могли все это делать, как он сам. За смертью Поттса, вскоре последовавшей (21 сентября 1823 г.), разрешено было, по прошению его вдовы, исполнить обязательства Поттса механику Ильцу. Только в январе 1824 г. произведен был с ним расчет: ему уплачено было 11.257 руб., причем состоявшему при Экспедиции «мастеру печатного дела 10 класса» Шнейдеру поручено было окончить не законченное Ильцем устройство этих белильных «машин»³⁵. Какие-то работы по каким-то приспособлениям в сушилах для скорейшей сушки бумаги производил механик Ильц и в 1836 г., но работы его были признаны неудовлетворительными³⁶. В 1828 г. правление Экспедиции разрешило применять новоизобретенный мастером Кюнером способ приготовления бумаги, с применением которого, по удостоверению управляющего бумажным отделением, бумага выходила лучше и стоила дешевле³⁷. В 1831 г. Хованский, испрашивая у министра финансов 35.000 руб. на ремонт зданий Экспедиции и на улучшение технического её оборудования, докладывал, что полагает употребить 10.000 руб. на устройство новых машин, плющильной и сверлильной, на переделку машин гильоширной и зубцезрезной, затем на устройство большого типографского прессы, двух литографских и, наконец, новых ламп для получения сажи; кроме того, он предполагал переделать краскотерную мастерскую, испрашивая на это еще 3.000 руб. Министр, однако, разрешил всего израсходовать 15.000 руб., поэтому Хованский, вместо всех предположенных переделок в машинах, ограничился ремонтом краскотерной машины и прессы, употребив на это 6.918 руб.³⁸ В течение 1833 и 1834 гг. в Экс-

педиции были сделаны некоторые новые приспособления для беления бумаги по способу, предложенному полковником Ренненкампом; уплачено ему было за это 4.300 руб.³⁹ В 1834 г. приобретена была изобретенная инспектором типографий Грессером печатная машина⁴⁰, а в 1841 г. отвергнута предложенная к приобретению паровая машина, так как управляющий типографским отделением Рейхель заявил, что Экспедиция «обзаведена и устроена уже в таком виде, что все необходимое изготавливается скорее и лучше»⁴¹.

Рейхель вообще отверг много предложенных новых машин, — нам невозможно теперь решить, основательно или нет. В том же 1841 г. он признал неудобной штемпелевальную машину, предложенную из Вены, котел новой системы, новой системы нумерационную машину, указывая, что все это, вновь предлагаемое, хуже того, что имеется в Экспедиции. Тогда же отвергнут был также способ делать водяные знаки на бумаге посредством нашивания полотняных знаков на сетке: управляющий бумажным отделением представил Хованскому⁴², что способ этот удобен, если надо отлить большое количество листов одинаковой бумаги; «поступающие же в Экспедицию наряды предписывают приготовление бумаги более ста сортов, из коих некоторые заключают в себе такое малое число листов, что иногда в дневное производство отливается по пяти и по десяти сортов разных бумаг».

Весьма характерным является следующее распоряжение управляющего Экспедицией Ф. Ф. Винберга, сделанное уже в 1877 г.: «В видах обеспечения постоянно однообразного производства государственных бумаг, как в отношении состава материалов, из коих они изготавлиются, так и приемов производства, признаю необходимым установить на будущее время непременно правилом: 1) чтобы состав бумажной массы и употребляемых при печатании красок, а равно приемы выделки какого-либо сорта государственных бумаг не были изменяемы без разрешения моего или товарища моего; 2) чтобы в формах для делания бумаги и печатания не допускалось никаких изменений или отступлений без такового же письменного на то разрешения»⁴³. Подобное распоряжение свидетельствует с несомненностью, что ранее не было на этот счет строго определенных правил, а из этого следует, что и восстановить с точностью порядок подобных работ в Экспедиции за старое время невозможно.

Довольно значительные улучшения в деле технического оборудования Экспедиции в первый период её существования стали производиться лишь с 50-х годов прошлого столетия. Так, 31 марта 1850 г. последовало высочайшее повеление об отчислении из прибылей Государственного заемного банка 5.700 руб. на устройство и установку в

Экспедиции нового парового котла⁴⁴. В связи с приглашением в 1852 г. из Швейцарии пунсониста и гильошира Циммермана и в следующем году из Германии гравера Ф. Кеплера были выписаны из-за границы и две гравировальные машины системы Вагнера, «гильоширная» и «рельефная»; последняя — для сеток с рельефным характером рисунка⁴⁵. В 1855 г. решено было устроить несколько новых машин и аппаратов на Екатерингофской фабрике и в мастерских Экспедиции, вследствие необходимости выполнить огромный, для того времени, наряд по изготовлению 30.000.000 листов государственных кредитных билетов, потребовавшихся в период Крымской кампании. На Екатерингофской фабрике предполагалось установить паровую двенадцатисильную машину стоимостью в 3.600 руб. и прибавить два ролла с ящиками и принадлежностями за 2.700 руб. и семьдесят пять пенькочесальных гребней, по 30 руб. каждый, всего на 2.250 руб.; для мастерских же Экспедиции потребовалось три новых черпальных чана «с матерными к ним ящиками», стоимостью в 1.500 руб., к ним три новых гидравлических прессы и еще два прессы для замены пришедших в ветхость старых, по 1.300 руб. каждый; кроме того, нужно было приобрести в прессовальную мастерскую шесть репенеров за 4.200 руб.⁴⁶

Немудрено, что к 1860 г. в Экспедиции всевозможных машин, аппаратов и инструментов оказалось значительно больше, чем было при ее открытии, как это видно из упомянутой выше описи мастерских первого отделения, сделанной в 1860 г. Ф. Ф. Винбергом. Так, например: в черпальной мастерской Экспедиции находилось уже восемнадцать гидравлических прессов, девятнадцать медных труб при черпальных чанах и четырнадцать труб паровых свинцовых, в рольной — шесть медных барабанов со шкивами, в сушиле — сорок четыре медных блока для поднятия прясел, в мастерской чистки — тридцать девять железных пробоев для «пробивки браку» и пятьдесят шесть для пробивки кредитных билетов, в прессовальной — более двухсот медных досок т. д.⁴⁷ Но, повторяем, несмотря на некоторое улучшение технического оборудования Экспедиции, все же в ней ручной труд продолжал преобладать над машинным, пока не были окончательно перестроены все её мастерские по новому плану.

Недостаточное техническое оборудование Экспедиции и исключительное преобладание в ней ручного труда имели, конечно, своим последствием то, что выходявшие из неё изделия, будучи значительно выше по своему качеству изделий прежнего времени, все же отличались крайней примитивностью. Наиболее тщательно изготовлялись, само собой разумеется, бумажные денежные знаки — сначала ассигнации, а затем

кредитные билеты. Особенно надежной защитой их от подделки в те времена признавался водяной знак. Его употребляли в России еще задолго до учреждения Экспедиции. Так, на гербовой бумаге, отлитой в 1724 г., имелось уже «водяное» изображение государственного герба, а на гербовой бумаге, отлитой в 1736 г., кроме того, был обозначен и год самого отлива. Ранее же этого гербовая бумага, выписывавшаяся, со времени своего введения в России по указу от 23 января 1699 г. и до 20-х годов XVIII века, большею частью из Голландии, не имела гербовых водяных знаков, а клеймилась гербами сперва в оружейной палате, а затем в мануфактур-коллегии, как учреждении, ведавшем бумажными заводами. Выработка гербовых водяных знаков началась в России лишь после указа от 17 октября 1723 г., учредившего для гербовой бумаги особую филигрань: «а для удержания в клейменье гербовой бумаги воровства впредь под гербование делать бумагу на фабриках всю добрую и плотную с изображением его императорского величества герба и на листах сверху с надписанием последующих литер “гербовая бумага”, а ту бумагу употреблять только под то гербовое клейменье, а белой с тех фабрик такой бумаги в ряды никому отнюдь не продавать под присягою с лишением живота»⁴⁸. Водяные изображения герба, само собой разумеется, были весьма тогда невысокого качества, так как получались с простой проволочной нашивки на черпальной форме. Не намного лучше выглядел и водяной знак на бумаге, отливавшейся, спустя 50 лет, на специально построенной царскосельской бумажной мельнице для ассигнаций. Только Экспедиция внесла в способ отлива бумажных знаков некоторые усовершенствования, а именно: для получения более удовлетворительных бумажных знаков в ней, с самого начала её деятельности, на черпальные формы стали нашиваться сетки, прессованные со штемпелей с медальерным характером гравюры, а позже, в 40-е годы, благодаря мастеру А. Чехову, поступившему в Экспедицию в 1837 г., была введена выработка сеточных узоров, и не для одних только кредитных билетов, но и для всех вообще государственных процентных бумаг⁴⁹.

Другие способы защиты бумажных денежных знаков, практиковавшиеся Экспедицией и отличавшие, главным образом, её изделия от изделий предыдущего периода, — гравюра и печать — на первых порах не стояли на сколько-нибудь значительной высоте. Первоначально самые старые гравёры Экспедиции, Нейер, Дербен и И. Петров, выполняли свои работы обычно от руки, лишь изредка прибегая — главным образом, при изготовлении сплошных сеток — к гильоширной машине и травлению. Объяснялось это тем, что тогдашние требования к гравюре были очень невысоки: вполне довольствовались обрамлением неслож-

ного рисунка и четкой прописью, отпечатанной на сетке, состоящей хотя бы из простых, пересекающихся, прямых или волнистых линий.

Как для металлографского печатания — посредством втирания краски в углубленные штрихи гравюры, так и для типографского — посредством накатывания краски на выпуклые штрихи, гравировали первоначально стальные оригиналы, причем для типографского печатания — в форме пунсонов, т. е. каждую букву прописи и повторяющуюся часть орнамента в отдельности. Вследствие того, что размножить металлографские штемпеля еще не умели, то в печать шли самые оригиналы, которые, для получения с них возможно большего числа оттисков, предварительно подвергались закалке. Правда, этим не всегда достигалась намеченная цель: доски часто лопались, а еще чаще — коробились. Сетки печатались также непосредственно со стальных оригиналов. С приготовленных на стали типографских штемпелей-пунсонов отбивались молотком на наковальне медные матрицы, с которых затем отливался гартовый материал для набора целых прописей, рам и т. п., а с него уже отпрессовывались на гарте же, сильно подогретом, стереотипы для непосредственного печатания. Иногда отбивались, с медных оригиналов, и целые штемпеля, особенно небольшие сетки. В 40-х годах отбивка гартовых матриц была сосредоточена в особой мастерской — «отбивной», где первым выдающимся мастером явился П. Ф. Горшков, работавший в Экспедиции с 1832 г.

В конце 40-х и в начале 50-х годов химик Экспедиции И. Клейн, при ближайшем сотрудничестве своего помощника А. Воронина, начал вводить в технику Экспедиции гальванопластику, на которую тогда вообще возлагались преувеличенные надежды. Применение гальванопластики позволило стальные штемпеля для типографской печати заменить медными, чтобы затем, при посредстве большей частью свинцовых матриц, размножать их в медных же стереотипах. Но гальванопластика, по видимому, доставляла немало хлопот и затруднений мастерам Экспедиции, ввиду чего прежний способ отбивания стереотипов долго еще не выводился из употребления, а пунсонный характер работ для рам и т. п. изделий преобладал вплоть до 60-х годов⁵⁰.

Примечания

- 1 Арх. Кред. Канц. Д. 39. Отд. 3. 1814–1822 гг. Л. 1, 2, 23, 8, 19, 28, 34, 40 и нумерованные в середине связки; Д. 40. 1818 г. . Ч. II. Л. 12; Арх. Э. Д. 130/22. I разр. 1820 г., Л. 3. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 117).
- 2 Арх. Э. Журналы и постановления. 1824 г. Кн. XVII. № 161. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1856–1876).

Часть первая. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг в 1818–1861 гг.

- 3 Там же. Д. 130/22. I разр. 1824 г. Л. 3. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 117).
- 4 Результат может быть получен путем вычитания площади, занимаемой Павловским институтом и приютом Лейб-гвардии Измайловского полка, приобретенной, как это показано ниже, Экспедицией в 50-е годы XIX в., из всей площади земли, принадлежащей тогда Экспедиции и нанесенной на один из планов того времени, воспроизведенный нами ниже.
- 5 Арх. Э. Д. 78/33. I разр. 1818 г. Л. 13. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 68).
- 6 Там же. Журналы и постановления. Кн. X. Журнал 2 декабря 1820 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 68).
- 7 Там же. Связка 1/102–17/108. № 9.
- 8 Там же. Секретные предложения министра финансов. 1821–1844 гг. 19 августа 1814 г. Л. 59 (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2071); Д. 206/32. I разр. 1834 г. Л. 1–6, 13, 43–50, 63 (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 207); Журналы и предложения. 1834 г. Т. XXXVIII. № 196, 198, 202, 210, 241; То же. 1835 г. Т. XXXIX. № 52. Д. 632/38. I разр. 1860 г. Л. 62. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1895–1898).
- 9 Арх. Э. Д. 720/49. I разр. 1864 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 471).
- 10 Там же. Д. 321/77. I разр. 1850 г. Л. 1–2; Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 147; Д. 632/38. I разр. 1860 г. Л. 63–66. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 312).
- 11 Там же. Д. 321/77. I разр. 1850 г. См. «Опись» домам Павловского института. Л. 34–60. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 312).
- 12 Там же. Л. 66–69, 226, 227, 228. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 312).
- 13 Там же. Д. 486/267. I разр. 1855 г. Л. 72. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 382, 380).
- 14 Там же. Д. 573/195. I разр. 1858 г. Здесь же находятся фасад и планы детского приюта Л.-гв. Измайловского полка. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 409).
- 15 Там же. Д. 663/386. I разр. 1860 г. Л. 1 и след.; Арх. КреД. Канц. Д. 10. Отд. 1. Ст. 3. 1860 г. Л. 1–4, 9. В этом последнем деле площадь земли г-жи Сивковой исчислена в 3.790 кв. саж.
- 16 Арх. КреД. Канц. Д. 5. Отд. 1. Ст. 3. 1861 г. Л. 4–5.
- 17 Арх. Э. Д. 690/35. I разр. 1862 г. Л. 4–6 об. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 449).
- 18 Арх. Э. Д. 61/1. I разр. 1818 г. Л. 7–9. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 50).
- 19 См. выше. С. 72.
- 20 Арх. Э. Д. 65/7. I разр. 1818 г.; Арх. КреД. Канц. Д. 39. 1814–1822 гг., лл. нумерованные во 2-ой половине 1-й части связки.
- 21 Там же. Журналы и постановления. 1820 г. Кн. VII. (ЦГИА СПб. Ф. 1458, Оп. 2, Д. 1867–1868).
- 22 Там же. 1821 г., Кн. X. № 80. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1875–1876).
- 23 Там же. 1824 г. Кн. XVII. № 272. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1875–1876).
- 24 Там же. 1831 г. Кн. XXXII. Журнал от 5 августа; Д. 2/193, 25/900. I разр. 1833 г. Л. 55, 56. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1889–1890).
- 25 Там же. Д. 229/8, 5/226, 16/230. I разр. 1839 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 228, 225).

- 26 Там же. Д. 312/66. I разр. 1849 г., Л. 1, 11–13, 18–20, 24–25, 42–43. Здесь же находится план земельного участка и зданий Экспедиции, а также факел проектированных кладовых. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 302).
- 27 Там же. Д. 65/7. I разр. 1818 г. Л. 4–11. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 51).
- 28 Там же. Д. 77/40. I разр. 1818 г. Л. 30–35. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 52).
- 29 Там же. Д. 77/40. I разр. 1818 г. Л. 43–54. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 52).
- 30 Там же. Д. 629/423. I разр. 1859 г. Л. 1, 6 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 423).
- 31 Арх. Э. Д. 61/1. I разр. 1818 г. Л. 7–9. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 50).
- 32 Там же. Журналы и постановления. 1824 г. Кн. XVII. № 90. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1875–1876).
- 33 Там же. Связка № 120/1. I разр., 1818 г., особ. Л. 16 и след., Л. 131–148, 164–183; Журналы и постановления. 1824 г. Кн. XVII. № 65; 1827 г. Кн. XXIII. № 45. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1881–1882).
- 34 Там же. Журналы и постановления. 1818 г. Кн. I. Журнал 27 мая 1819 г. Кн. IV. 23 апреля 1820 г.; Кн. VIII. № 80; красная сафьяновая тетерадь. № 32. Л. 4–6, 17, 18. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1875–1876).
- 35 Там же. 1823 г. Кн. XV. № 90; Кн. XXI. № 199; 1824 г. Кн. XVII. Журнал от 23 января. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1873–76).
- 36 Там же. 1836 г. Кн. XLII. № 263, 275. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1899–1900).
- 37 Там же. 1828 г. Кн. XXVI. Журнал 29 сентября. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1883–1884).
- 38 Там же. 1831 г. Кн. XXXI. Журнал 5 августа. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1889–90).
- 39 Там же. 1833 г. Кн. XXXVI. № 197; 1834 г. Кн. XXXVII. № 46, 85, 146. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1893–1896).
- 40 Там же. 1834 г. Кн. XXXVII. № 12. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1895–1896).
- 41 Там же. Связка 1841 г. 6/234–16/237. № 235. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 235).
- 42 Там же. Связки 235/7. I разр. 1851 г. 6/237–26/242. 1842 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 234).
- 43 Там же. Д. 114/28. 1877 г. Л. 8–9. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 565).
- 44 Там же. Д. 365/11. I разр. 1850 г. Л. 64. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 307).
- 45 *Вережкин Ф.* Художественно-граверное отделение Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Пг., 1918.
- 46 Арх. Э. Д. 486/268, I разр. 1855 г. Л. 18. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 365).
- 47 Там же. Д. 629/423. I разр. 1859 г. Л. 6 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 423).
- 48 *Лихачев А. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. С. 88.
- 49 *Вережкин Ф.* Художественно-граверное отделение Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Пг., 1918.
- 50 Там же.